

II.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу перзаешь печаль.

Когда легковѣрень и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я спрасшно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ поспучался презрѣнный Еврей.

Съ побою пируюшь (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жь измѣнила Гречанка швоя.

Я даль ему лапа и прокляль его,
И вѣрнаго позваль раба моего.

Мы вышли: я мчался на быспромъ конѣ;
И крошкая жалось молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогъ;
Глаза пошемнѣли, я весь изнемогъ....

Въ покой опдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣша: булашь загремѣль...
Прервашь поцѣлуя злодѣй не успѣль.

Безглавое шло я долго пошпаль,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взираль.

Я помню моленя, пекущую кровь....
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль,
Ошеръ я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ, какъ наспала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросиль шѣла.

Съ шѣхъ поръ не цалую прелеспныхъ очей,
Съ шѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу шерзаетъ печаль.